

“Шотландии цветок благоуханный...”

Шотландская поэзия сквозь века

[249]

ИЛ 10/2018

Переводы стихов ВАЛЕНТИНЫ СЕРГЕЕВОЙ, СВЕТЛАНЫ
ЛИХАЧЕВОЙ, АНАСТАСИИ СТРОКИНОЙ, АЛЕКСЕЯ КРУГЛОВА

Вступительная статья СВЕТЛАНЫ ЛИХАЧЕВОЙ

Если история английской поэзии насчитывает более семи веков (возьмем за точку отсчета Джеффри Чосера, “утреннюю звезду английской литературы”), то шотландская — ее ровесница. На протяжении многих эпох шотландцы то стремились следовать канонам, заданным на юге (поэты-“чосерианцы” эпохи Стюартов), то, напротив, в поисках национальной идентичности пытались оборвать все связи с поэтической традицией метрополии и заговорить на своем языке, обрести собственный голос, но во все века Шотландия оставалась неиссякаемым источником поэтического вдохновения. В драматичной истории страны, в дикой и суровой красоте ее ландшафтов, в причудливом фольклоре, в национальном характере авторы черпали образы и темы, наделившие шотландскую поэтическую традицию особым, самобытным очарованием, неодолимо подчиняющим воображение. Для русскоязычного читателя шотландская поэзия — это, в первую очередь, Роберт Бернс. Но гений Бернса возник не на пустом месте, за ним стоит богатейшее наследие, а многие современные поэты не уступают своим предшественникам. Продемонстрировать это богатство — пусть обзорно, высвечивая лишь отдельные имена и моменты, — задача настоящей публикации. Всех шотландских поэтов, достойных упоминания, невозможно даже просто перечислить в обзорной статье, а уж тем более включить в небольшую подборку, объем которой неизбежно ограничен. Мы попытались подобрать стихотворения так, чтобы получился “срез эпох” от XVII до XXI века, по возможности полно отражающий “шотландский дух” с его мягкой лиричностью и воинствующим патриотизмом, непримиримой религиозностью, страстностью, музыкальностью, “пейзажностью”, а также и смену поэтических форм, от традиционных шотландских габби до современных верлибров — на протяжении многих столетий.

Самый ранний из представленных в подборке авторов — это леди Гризельда Бейли (1665—1746). Именно во второй половине XVII века в шот-

© СВЕТЛАНА ЛИХАЧЕВА. Перевод, вступительная статья, 2018

© ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВА. Перевод, 2018

© АНАСТАСИЯ СТРОКИНА. Перевод, 2018

© АЛЕКСЕЙ КРУГЛОВ. Перевод, 2018

ландской лирической поэзии все бóльшую популярность обретает баллада. Многие шотландские баллады восходят к XIII веку, но записаны были гораздо позже; а с XVII века баллада используется в качестве излюбленной литературной формы, в том числе и авторами-аристократами, предвосхищая “балладный бум” второй половины XVIII века. Тогда же в шотландской поэзии появляются и женские имена. В их числе и леди Гризельда, автор стилизованных под народные баллады песен, подкупающих простотой и искренностью. История жизни леди Гризельды такова, что эта история и сама могла бы послужить сюжетом для баллады или романа. Дочь знатного вельможи сэра Патрика Хьюма (внука поэта сэра Патрика Хьюма из “Кастальского союза”), двенадцатилетней девочкой Гризельда передавала письма от отца заключенному в тюрьму Роберту Бейли из Джевишвуда. Бейли обвиняли в причастности к Райхаузскому заговору (1683): антикатолически настроенные виги-экстремисты собирались убить короля Карла II и его брата Иакова; заговор провалился, но пострадали не только участники, но и сочувствующие. Отец Гризельды, близкий друг Бейли, тоже оказался в числе подозреваемых. Солдаты короля заняли его замок, а сам он некоторое время прятался в крипте Полвартской церкви: Гризельда тайком носила отцу еду. В конце концов Бейли был казнен, а сэр Патрик бежал из страны. Семья последовала за ним и вернулась в Шотландию только после Славной революции 1688 года. Леди Гризельда вышла замуж за сына казненного заговорщика, Джорджа Бейли, отцу которого она и передавала письма: именно тогда молодые люди познакомились — и, по-видимому, полюбили друг друга. Леди Гризельда решительно отклонила предложение войти в свиту королевы, отказалась от более выгодных партий и настояла на браке с Джорджем. Два стихотворения леди Гризельды дошли до наших дней; одно из них — задушевная пастушеская песенка, которую мы включили в нашу подборку: это дебют Гризельды Бейли на русском языке.

После Акта об унии 1707 года, принятого парламентами Англии и Шотландии, в результате которого было создано единое государство Великобритания, шотландская литература обретает все более ярко выраженный национальный характер, и неудивительно: малая нация под угрозой поглощения нацией более крупной стремится к самоидентификации. XVIII век — время небывалого расцвета шотландской поэзии. Связующим звеном между *макарнами*¹ — придворными поэтами и бардами XV—XVI веков, и Робертом Бернсом становятся Рэмси и Фергюссон: именно в их обществе Роберт Бернс предпочел бы наслаждаться славой (как уверяет он сам в “Послании к Уильяму Симпсону”). Аллан Рэмси (1686—1758) — крупнейший поэт своего времени, мастер пасторали, развивавший и совершенствовавший специфически шотландскую строфу габби. Стремясь пробудить интерес к шотландской литературе былых веков, Рэмси издал сборник

1. *Makar* соответствует английскому *maker*, то есть создатель, поэт.

“Вечнозеленые кущи” (1724) — подборку произведений выдающихся поэтов эпохи Стюартов, а также “Альманах ‘За чайным столиком’” (1723—1737) — туда вошли стихи самого Рэмси и его друзей, известные баллады и песни (в том числе и Гризельды Бейли), словом, все то, что можно с приятностью для себя почитать за чаем. Уроженец Эдинбурга Роберт Фергюссон (1750—1774), чье творчество оказало на Бернса столь заметное влияние, писал как на английском, так и на шотландском, создавая яркие, живые, энергичные, брызжущие юмором зарисовки родного города: это “Свежие устрицы”, “Веселые деньки” и длинная поэма “Старина Дымила”, посвященная Эдинбургу. Себя Фергюссон считал преемником Рэмси:

То не Аллан ли, дай-то Бог,
Воскрес и вновь свирель извлек —
Воспеть Шотландии цветок
Благоуханный?
Нет: Фергюссон свистит в свисток,
Сменив Аллана.

Русскоязычный читатель воспринимает шотландскую поэзию в первую очередь через творчество “поэта-пахаря” Роберта Бернса. Бернсу несказанно повезло с переводчиками: стихи Бернса — такие как “Честная бедность”, “Моей душе покоя нет”, “В полях, под снегом и дождем”, “Любовь, как роза красная”, “Любовь и бедность” — не только читают, но цитируют и поют; они звучат в популярных кинофильмах и даже в детских аудиоспектаклях. Первый сборник Бернса, “Стихотворения, главным образом на шотландском диалекте” (изданный в 1786 году и вошедший в историю как “Килмарнокский том”), явился литературной сенсацией; Бернс, один из первых поэтов-романтиков, еще при жизни стал национальным поэтом Шотландии и обрел мировую известность, не убывающую и по сей день. Для шотландцев день рождения Бернса 25 января — национальный праздник. Его знаменитое стихотворение “Auld Lang Syne” (“Старая дружба” в переводе С. Маршака) поют при встрече Нового года, а патриотическая песня “Scots Wha Hae” (“Брюс — шотландцам”) долгое время служила неофициальным гимном Шотландии. Поэты последующих эпох посвящают Бернсу стихи: он сам стал лирическим героем и адресатом бесчисленных произведений. В нашу подборку Бернс вошел опосредованно: стихотворение викторианского поэта Джеймса Томсона “Роберт Бернс”, на наш взгляд, превосходно иллюстрирует восприятие поэта его соотечественниками — этот мифологизированный образ исполнен вольнолюбивого духа, мужества и подлинной человечности.

Принято считать, что в XIX веке шотландская поэзия приходит в упадок. Однако, по иронии судьбы, шотландские поэты-романтики XIX века наиболее хорошо известны русскоязычному читателю (после Роберта Бернса), пусть в первую очередь и как прозаики. Среди них сэр Вальтер Скотт — ключевая фигура шотландского и английского романтизма, “летописец из Абботсфорда”. Историк и создатель жанра исторического романа, Скотт начал литера-

турную карьеру как поэт: с подражания народным шотландским балладам и с псевдосредневековых поэм: “Песни шотландской границы” (1802—1803), “Песнь последнего менестреля” (1805), “Мармион” (1808), “Дева озера” (1810) и многих других. Одним из самых успешных шотландских поэтов этого периода был и уроженец Глазго Томас Кэмпбелл (1777—1844), друг Вальтера Скотта, автор патриотических британских песен, сентиментальных эпических поэм и стилизованных баллад. Мы включили в подборку два его произведения. Небольшое стихотворение “Свобода и любовь” — прекрасная демонстрация бунтарского шотландского духа, что не терпит принуждения даже в любви. Второе стихотворение, баллада “Дочь лорда Уллина”, уже существовало в переводе В. Жуковского (“...Мое дитя, назад, назад! / Прощенье! Возвратись, Мальвина!”), но мы решили дать ей новую жизнь, приблизив к тональности оригинала. На вторую половину XIX века приходится творчество Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894): его приключенческими романами мы все зачитывались в детстве, даже не подозревая, что он писал превосходные стихи, в том числе и на шотландском (впрочем, его баллада “Вересковый мед” в переводе С. Маршака у русскоязычного читателя на слуху). Одно его стихотворение, написанное стандартным габби, одновременно и пасторальное, и мягко-ироничное, “Воскресное утро в Лотиане”, мы включили в подборку. Эндрю Лэнг (1844—1912) — писатель, переводчик и этнограф, фольклорист и исследователь природы мифа, известный в первую очередь своими “цветными” сборниками сказок, и при этом автор множества поэтических сборников, блестяще владел самыми сложными стихотворными формами. В нашу подборку мы включили его Якобитскую “Auld Lang Syne” — как еще одну опосредованную дань Бернсу и как наглядную иллюстрацию одной из излюбленных тем шотландской поэзии: реставрация Стюартов и шотландская независимость. Джеймс Томсон (1834—1882), писавший под псевдонимом Биши Ванолис, считается самым мрачным поэтом викторианской эпохи из-за своей пространной поэмы “Город страшной ночи” (1874): жуткой фантазмагии, в которой обезличивающий, бесчеловечный Лондон, “царство Ночи, но не сна”¹, предстает средоточием безысходного пессимизма, бессонницы и всевозможных пороков, а ночь — вневременным адом. Историки литературы называют его “лауреатом пессимизма”. Именно ему принадлежит приведенное в подборке стихотворение “Роберт Бернс”, в котором Томсон воздает должное своему литературному предшественнику. Джон Дэвидсон (1857—1909), романист, драматург и поэт, мастер балладного жанра, оказал значительное влияние на поэтов-модернистов, в частности, Хью Макдиармида. Большой популярностью пользовались его сборники “Баллады и песни” (1894), “Новые баллады” (1897) и “Последняя баллада” (1899). В нашей подборке он представлен лирической пейзажной зарисовкой “Киннолл-хилл”. И, конечно же, говоря о шотландской поэзии XIX века, невозможно не упомянуть о литературном курьезе —

1. Перевод В. Вотрина.

об Уильяме Топазе Макгонаголле (1825—1902): этот гениальный графоман, который ещё при жизни прославился как худший поэт в истории Великобритании, на сегодняшний день — второй по популярности поэт в Шотландии, после Роберта Бернса. Его бессмертные вирши уже появлялись на страницах “Иностранной литературы”¹.

Влияние Первой мировой войны на развитие модернизма вызвало радикальные перемены и в шотландской поэзии. На начало XX века приходится творчество Хью Макдиармида (1892—1978): таков псевдоним Кристофера Мюррея Грива (фактического вождя Шотландского Возрождения — нового литературного движения, что зародилось в межвоенный период). Хью Макдиармид задался целью заново утвердить и возродить шотландский язык в качестве инструмента серьезной литературы, способной войти в авангард европейской мысли, сохраняя при этом свою неповторимую национальную идентичность. В своих поэтических произведениях, в частности, в эпохальной поэме “Пьяница смотрит на чертополох” (1926), которую сам автор приравнивал к “Улиссу” Дж. Джойса, Макдиармид отказывается от английского языка и развивает свой собственный вариант так называемого “синтетического шотландского”, *лалланс* (Lallans), обогащая его словарь диалектами всех регионов и периодов, просторечиями и архаизмами. Лалланс должен был стать классическим, стандартным шотландским языком литературы мирового класса. Макдиармид издал три выпуска первой послевоенной антологии шотландской поэзии, “Северные стихи” (1921—1923); в 1922 году он основал ежемесячный “Шотландский альманах”, в котором публиковал шотландскую поэзию и прозу наряду с критическими статьями и эссе, задавшись целью “добиться, чтобы труды шотландских авторов оценили по достоинству... а также изучать, претворять в жизнь и развивать специфически шотландские ценности”. В 1974 году Макдиармид стал профессором литературы в Королевской шотландской академии; президентом Поэтического общества в 1976 году; основал Шотландскую национальную партию. В нашей подборке Макдиармид представлен стихотворением “Шотландия — маленькая?”, которое можно было бы поставить эпиграфом ко всей подборке: небольшая по размерам страна, образ которой неизбежно подгоняется под истертые стереотипы, становится неиссякаемым источником сильнее эстетического переживания, каждый раз открываясь внимательному наблюдателю с неожиданной стороны. Авторы Шотландского Возрождения объединяет общая тема поиска национальной идентичности, самовыражения и обретения своего голоса, — в XX веке и позже. Под влиянием Макдиармида многие последующие поэты начинают писать на шотландском все более легко и естественно; благодаря ему, поэзия оставалась в авангарде шотландской литературы вплоть до конца семидесятых годов.

В XX веке многие шотландские авторы выбирали английский язык; но некоторые с одинаковой легкостью писали и на английском и на шотланд-

ском; одни сочиняли на гэльском, другие не отдавали предпочтения какому-то одному из языков, пользуясь всеми тремя. На английском предпочитал писать и Норман Маккейг (1910—1996), чью поэзию отличают мягкий юмор и способность простыми словами передать волшебство повседневности и красоту ландшафтов Хайленда. Таково его стихотворение “Эдинбург. Апрельский день в ноябре”, мастерски изображающее чудесное преобразование унылого осеннего Эдинбурга, когда под случайными лучами солнца на миг оживают “цветные сны о лете”. Уильям Сидни Грэм (1918—1986) — самобитный шотландский поэт, которого зачастую соотносят с группой поэтов-неоромантиков и с валлийцем Диланом Томасом, при жизни известностью не пользовался и обрел признание лишь посмертно. Его творческий почерк уникален: Грэм мифологизирует шотландскую повседневность: в его бытовые зарисовки властно врывается потусторонний мир шотландских поверий, и граница между реальным и сверхъестественным оказывается пугающе зыбкой. Мы проиллюстрировали творчество Грэма своеобразным “триптихом”: тремя картинками именно такого плана. Аластер Рид (1926—2014), специалист по южноамериканской литературе, много переводивший Х. Л. Борхеса и П. Неруду, стихи писал легкие и жизнеутверждающие, резко контрастирующие с мрачнообреченным мироощущением шотландского пресвитерианства: таково его стихотворение “Шотландия”, включенное в настоящую подборку. Эдвин Морган (1920—2010), уроженец Глазго, прославившийся, помимо прочего, своими переводами с многих европейских языков (в том числе, Ж. Расина, Э. Ростана, П. Неруды и В. Маяковского) на шотландский и английский, блестяще владел самыми разными стихотворными формами и стилями, от сонета до графических стихов. Масштаб его поэзии превосходно передает название стихотворного сборника 1973 года “От Глазго до Сатурна”. В 2004 году шотландское правительство назначило Моргана первым “шотландским макаром”, или шотландским поэтом-лауреатом, снова возродив освященный временем титул. Ведь если изначально *макары* — это придворные поэты и барды XV—XVI веков, то в XVIII веке *макарами* называли Аллана Рэмси и Роберта Фергюссона; а уже в наше время, в начале XXI века, этим словом стали обозначать поэта, получающего бюджетное финансирование. Преемственность традиции не прерывалась и не прерывается по сей день. В подборке Морган представлен любовным стихотворением “Клубника”, чувственным и эпатажным.

Представляя читателям наиболее значимые для шотландской поэзии темы — романтическая любовь, патриотизм и национальное самосознание, поиск и обретение национальной самоидентификации, красоты шотландского ландшафта, на фоне которых и рождалась эта поэтичнейшая из поэтических традиций — и разные трактовки ключевых тем в зависимости от эпохи, — мы надеемся, что ретроспективный взгляд позволит оценить масштабность и глубину шотландской поэзии, в которой каждый сможет найти что-то близкое и созвучное для себя — и выбрать поэтов себе по вкусу.

ЛЕДИ ГРИЗЕЛЬДА БЕЙЛИ

Пастушка

Овец мы пускаем с утра на лужок,
Когда заиграют свирель и рожок.
Мы доим, а дудочка нежно поет,
Но сердце мое разорвется вот-вот.

Приятно играть пастушку на рожке,
Овечек с утра собирать на лужке;
На травку пастьись они выйдут опять,
Но как мне, дружок, по тебе не вздыхать?

Перевод ВАЛЕНТИНЫ СЕРГЕЕВОЙ

РОБЕРТ ФЕРГЮССОН

К мистеру Роберту Фергюссону

То не Аллан ли, дай-то Бог,
Воскрес и вновь свирель извлек —
Воспеть Шотландии цветок
Благоуханный?
Нет: Фергюссон свистит в свисток,
Сменив Аллана.

За твой талант подьему тост!
Друг, до тебя мне — как до звезд!
Твой стиль изящен, мил и прост —
Да так, что любо!
Пусть англичанишка-прохвост
Кусает губы!

Тот, кто в Дымиле¹ побывал,
Кто видел шумный карнавал,
Когда рождение справлял
Король; тот сразу
Поймет: ты не с Парнаса взял
Свои рассказы!

1. Дымила (от шотл. *Auld Reikie*) — шутивное название Эдинбурга, родины Фергюссона; стихотворение написано на эдинбургском диалекте XVIII в. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Вовек не знать тебе забот!
Будь полон дом твой и живот:
Все, что пасется и растет
В шотландском поле,
Пуškai на стол к тебе идет, —
И виски вволю.

Но коль хвала тебе милей,
Чем все дары родных полей,
Так я смолкаю, дуралей:
Тебя по праву
Всяк хвалит: лишь не захмелей
От этой славы!

Отраден строй твоих баллад,
Слова звенят и в склад, и в лад:
Любой, кто холост и женат,
Их хвалит рьяно.
Их распевает стар и млад,
Подняв стаканы.

Вот заявлюсь в твои края —
Гульнем, как добрые друзья, —
Пусть вдоволь снеди и питья
Пошлет нам Муза!
Там “свежих устриц”¹ ты да я
Вкусим от пуза!

А ежели судьбы рука
Тебя зашлет издалека
К нам в Бервик — там, где Твид-река
Бежит долиной,
Познаешь гордость рыбака:
Чан-с-Лососяной².

Там, где цветами луг пестрит,
Там пир и пляски: чудный вид!
(Не всякий пышный бюст прикрыт!)
Ну спасу нету!
Глаза полезут из орбит
Глядеть на это!

1. Аллюзия на знаменитое стихотворение Р. Фергюссона “Свежие устрицы”.
2. На бервикском диалекте — традиционные гулянья или пикник на реке Твид, в ходе которого готовится одноименное блюдо, пойманного в реке лосося бросают живьем в кипящую воду.

А уж причуды местных мод!
Порой сам черт не разберет,
То шляпка ль — или бутерброд.
Зато иная,
Пожалуй, с падали спугнет
Воронью стаю!

Хотел бы я пролезть в печать —
Затем лишь, чтоб не умолчать:
Мысль каждая твоя — под статью
Ее огранке.
Побольше б строчек получать
Твоей чеканки!

Ах, отыграй я первый приз
В собрание Муз — так я б на бис
Позволить мог любой каприз,
Набив карманы, —
Я — горемычный Джонни из
Мидлотиана.

Перевод Светланы Лихачевой

ТОМАС КЕМПБЕЛЛ

Дочь лорда Уллина

Шотландский тан, спеша к горам,
Кричит: “Эй, лодку, живо!
Вот серебро — без лодки нам
Не пересечь пролива”.

“Что за смельчак, нуждой гоним,
Погоды не боится?”
“Тан Ульвы здесь, и вместе с ним
Дочь Уллина, девица.

Ее отец, людей собрав,
Три дня спешит по следу.
Останусь я в крови средь трав —
Иль сей же час уеду!

Враги летят, суля беду,
И ищут нас повсюду.

Что станет с ней, коль я паду
И мужем ей не буду?”

Ответил горец удалой:
“Награды мне не надо!
Я ради той, что здесь с тобой,
Сейчас на весла сяду.

Пускай красавица твоя
Погони не боится —
Вас переправлю живо я,
Хоть море и ярится”.

Едва звучали голоса,
Так завывала буря;
Мрак источали небеса,
Чело сурово хмурия.

И вот когда сгустилась тьма
Под вой и ропот моря,
Спустились всадники с холма,
Коней усталых шпора.

И леди крикнула: “Вперед!”,
Ведь был милее деве
Вид бурных волн, где гибель ждет,
Чем вид отца во гневе.

И ветер лодку подхватил —
О, как кипело море! —
И выбивались все из сил,
С пучиной грозной споря.

Они гребли средь пенных волн
По водам разъяренным,
Лорд Уллин увидал их челн,
И брань сменилась стоном.

Его родная дочь — во мгле,
Предчувствуя разлуку,
Обняв любимого, к земле
С тоской тянула руку.

“Вернись, вернись! — отец молил,
От горя цепеняя. —
Твой муж, как ты, мне будет мил!
О, всё прощу тебе я!”

Спасенья нет; прибой ревет,
Бурлит волна морская.
Пропала дева в бездне вод;
Отец стоял, рыдая.

Перевод ВАЛЕНТИНЫ СЕРГЕЕВОЙ

[259]

ил 10/2018

Свобода и любовь

Ждут безропотно, бессонно
Первый поцелуй смущенный.
Клятвы, кольца — и готовы
Обещания оковы!
Но слова — всего лишь звуки:
За блаженством — день разлуки.
Снова ты спешишь влюбиться —
И уже другая снится.
Только все непостоянно:
То надежды, то обманы;
То любовь терпима к боли,
То, смеясь, летит на волю.
Обуздай поток великий,
Пахнуть запрети гвоздике,
Ветер не пусти к осинам —
И тогда тебе по силам
Удержать любовь однажды
От огня и новой жажды.
Но не для нее тенёта:
В них погибнет без полета,
Точно речка без течения —
В бесконечном заточеньи:
Душат тяжестью свинцовой
Обещания оковы.

Перевод АНАСТАСИИ СТРОКИНОЙ

ДЖЕЙМС ТОМСОН

Роберт Бёрнс

Он был далек от церковных склок,
И молитвы пыл ему не был мил,
Сердцем видел он верный путь.
Мог жалеть бедолаг, что в аду горят,

Но к ангелам светлым в эдемский сад
Не старался ужом скользнуть.

Никогда не был он у святош в чести,
Драгоценную душу свою спасти,
Не стремился в жизни земной,
Где благо и зло, добродетель и грех
Борются, в душах сплетаясь у тех,
Кто склонился под тяжкой судьбой.

“Оставим небесное небесам!
А я человек, я управляюсь сам,
В горе, в радости — сын земли”.
Кто честней, благороднее и прямей?
Ум его и бесстрашье в сердцах друзей
Пламя вольности разожгли,

Потому что огонь полыхал и в нем,
В гордом сердце его золотом, —
Мужество, страсть молодым вином
Бурно в жилах его текли.

ЭНДРЮ ЛЭНГ

Якобитская “Auld lang syne”

Мы служим славному Луи
И пьем его вино,
Но королей себе нашли
Уже давным-давно.

Вернуть за морем отчий трон
Нам, Чарли, суждено,
И с нами тот, кем фараон
Был сокрушен давно.

Гоняли, словно мокрых кур,
Мы красное сукно —
Божé, Лох-Гэри, Фолкерк-Мур —
Еще не так давно.

Пусть Камберлендский герцог-плут
Хоть с чертом пьет вино,
Но Чарли въедет в Холируд,
Как должен был давно.

Повержен будет фараон —
Так небом решено,
И род Иакова спасен,
Как встарь, давным-давно.

Перевод АЛЕКСЕЯ КРУГЛОВА

[261]

ил 10/2018

РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН

Воскресное утро в Лотиане

Воскресный звон — дин-дон, дин-дон! —
Доносится со всех сторон,
Взлетая к гнездам в гуще крон,
В долинах тая, —
Отрада мирных летних дён
Родного края.

Под россыпь мелодичных нот
Весь Божий мир — и люд, и скот, —
Всяк день торжественный блюдет,
Что всем желанен, —
И жаворонок средь высот,
И поселянин.

Он, помышляя об одном:
С недельным кончено трудом! —
Бредет то из дому, то в дом,
Дивясь досугу;
Ведет натруженным плечом:
Ан не в натугу!

Мать, разодела в пух и прах,
Детишек рядит второпях:
То приголубит, то в сердцах
Даст окорот им;
А то, с молитвой на устах
Сластей сует им.

Девушки, вымывшись чуть свет,
Свой завершают туалет:
Чулки с подвязками, корсет —
Все чин по чину;
Сорочки — не было и нет
Белей холстины.

Но в путь! Дорога не близка:
Муж шляпу вычистил слегка,
Наваксил оба башмака —
Ишь, блещут ярко!
Пыль оседает, что мука:
Весь труд — насмарку!

Вот Марджет шествует — ей-ей,
Язык у девки без костей!
Подол крапивы зеленой
Поверх испода,
И Дэвид Гротс — под ручку с ней —
Вперед народа.

Чуть приотставший муженек —
В парадных брюках прямо взмок! —
Вышагивает бок о бок
С женой пригожей;
Взгляд — и торжественен, и строг:
Се — праздник Божий!

До церкви уж рукой подать:
Равно и беднота, и знать
Сюда стекаются опять
За две-три мили;
Народу — тьма; ворота — глядь —
Белы от пыли.

Но — чу! — колокола звонят:
Прибавьте шагу, стар и млад!
Священство — в черном все подряд,
И смотрит гордо;
Гнедые топчутся у врат,
Доставив лорда.

Осанистые старики
Сбирают в кружку медяки;
Сколь их сужденья глубоки —
Ума палата!
Таких хоть в судьи — им с руки
Вести дебаты!

Давно забыт надгробьям счет.
Кто, губы выпятив, прочтет
Вслух надпись — имя или год
Напомнив людям.

Кто наставительно кивнет:
Мол, все там будем!

Здесь Меррен наш, и прочий люд
Вдали от всех житейских смут
Последний обрели приют —
Покойтесь в мире!
И братья материны тут —
Вот все четыре.

Здесь средь надгробий и крестов
Помешкаем: не нужно слов;
Встают из памяти и снов
Родные лица,
И отзвук милых голосов
Нам снова мнится.

Вот так воскресный благовест,
Звения, разносится окрест,
Скликает всех, кто носит крест,
Под эти своды,
Живых и мертвых здешних мест
Сводя сквозь годы.

Но в церковь колокол зовет:
Расселся по местам народ;
Вот и священник у ворот:
Речист, вития —
Уж разберет так разберет
Грехи людские!

Наш слух заране утомив,
Французский забренчал мотив:
Вот запевала, сед, хриплив,
Раздал бумажки,
И, гимном своды огласив,
Вздыхает тяжело.

Нестройный хор молитвы стих;
Всяк спешно ищет нужный стих;
Нашедший позже остальных —
С победной миной;
И мята свой привносит штрих,
И лист полынный.

Глядь — кто-то головой поник:
Смежил глаза мал и велик.
Мать сонных чад булавкой — тук! —
Ишь, взяли моду!
...Сном праведников в этот миг
Спит полприхода.

Лишь двое-трое в полусне
Заумной внемлют болтовне;
Детишки на шмеля в окне
Глядят спросонок,
А парни в гулкой тишине
Зырк на девчонок!

Священник, выйдя на амвон,
Вещает, боговдохновен:
Кто мнит, что через труд спасен —
Прельстился ложью.
С каким ретивым жаром он
Клеймит безбожье!

Сколь смачно церкви верный сын
Приверженцев иных доктрин
Громит: они, все как один,
И врозь, и вместе
Ничем не лучше сарацин,
Сказать по чести!

Вот это вера! — благодать!
И впрямь — чего еще желать?
Под сводом церкви — тишь да гладь,
Вздремнешь с устатку;
А мертвецам в могилах спать
И вовсе сладко.

ДЖОН ДЭВИДСОН

Киннолл-хилл

Мы сидели у края обрыва,
От ветров схоронившись за скалы;
Солнце нежилось в небе сонливо,
И вселенная неторопливо
В бездны космоса уплывала.

На востоке вздымалась гора,
Склоны к западу плавно сходили:
Перт дымил, словно угли костра,
Сизым чадом сочились ветра,
И теснились бессчетные шпили.

Согревая нам душу, текли
Дух сосновый и запахи луга;
Там легко мы поверить могли
В то, что оба мы — дети земли,
И тем крепче любили друг друга.

Стаи галок, как тучи, взвились
От иззубренной скальной ступени,
Испещряя небесную высь:
Гомонили, металась вверх-вниз
И роняли летящие тени.

Там не жаворонки звенели —
Пела птица в лесу. Окоем
Вторил смутной и сладостной трели.
Струны сердца дрожали и пели,
И мы счастливы были вдвоем.

Перевод Светланы Лихачевой

ХЬЮ МАКДИАРМИД

“Шотландия – маленькая?”

Шотландия – маленькая? Наша многолика,
бесконечная Шотландия — *маленькая?*!
Да, конечно, горная местность может показаться
“типичным уголком природы”
Глупцу, который воскликнет: “Один только вереск!” —
там, где в сентябре другой человек,
Сидя на камне и внимательно глядя вокруг,
Увидит не только вереск, но и заросли черники —
Листья у нее зеленые, местами тронутые багрянцем,
И под ними прячутся зрелые синие ягоды; а среди
сероатой листвы восковника
Сияют золотом цветки калгана.

На небольших пустошах, где пасутся мелкие
 черномордые овцы,
 Растет молочай, синий, как летнее небо,
 А внизу, в заброшенных торфяных ямах, которыми
 никто
 Не пользовался на памяти живых — мох пастельных
 тонов,
 Желтый, зеленый и розовый; росянки и мухоловки
 Подстерегают крошечных крылатых жертв,
 растопырив клейкие листья,
 Колокольчики, кивая, соперничают в расцветке
 С синими бабочками, которые изящно на них
 покачиваются,
 А рябинки шуршат сухими жесткими листьями цвета
 вечерней зари.
 “Один только вереск!” Верно подмечено! Но до чего
 неточно!

Перевод ВАЛЕНТИНЫ СЕРГЕЕВОЙ

НОРМАН МАККЕЙГ

Эдинбург. Апрельский день в ноябре

Солнце задорно
 бьет кулаками по тучам,
 задиристый ветер
 обрушивается на дома,

уносит печальную память подальше —
 за осеннее море. С легкостью жизнь
 прокладывает дорогу
 в дремучих дебрях
 меж нами и будущим.

Улетают из памяти
 последние листья и устилают землю,
 а для последних роз
 клумбы становятся колумбарием.

Но кто-то завел карусель веселья
 в пасмурных парках.
 Разряды радости летят от предместья к предместью.

Апрель — самозванец
танцует на темных улицах ноября,
беспечный дудочник, ведет за собой
цветные сны о лете.

Перевод Анастасии Строкиной

[267]

ил 10/2018

Уильям Сидни Грэм

Сожранное дитя

Обрисуем картину. Апрель.
Лужицы от прилива
Растекаются, иссякают
Меж водорослями и смолевкой
На приозерной гальке.

Из большого дома за нами
Пятилетний Иэн
Выбежал поиграть
Под мяуканье крачек
И бдительных куликов.

Отец его встал до света:
Ведет по горному склону
Шумный трактор в облаке чаек.
На лужайке Мэг напевает,
Прищепки в зубах зажав.

Светловолосый Иэн,
Склонив голову, внемлет
Раковине волшебной.
Выходит из озера зверь
И заглатывает мальчишку.

Обрисуем картину. Апрель.
Лужицы от прилива
Растекаются, иссякают
Меж водорослями и смолевкой
На приозерной гальке.

Пропавшая мисс Конн

Обрисуем картину. Церковь.
Прихожанки и двое старост

Прибираются после праздника.
Вязнут в варенье осы.
Мисс Конн собралась домой.

Отшив молодого Макайвора,
Она поспешает в лес.
Дуб, орешник, рябина.
Лес — прозрачен и светел,
Здесь не темная чаща Мадрон.

Желтоклювы-скворцы и сойки
Поднимают веселый гомон,
Мисс Конн идет, расцветает,
Досадует на Макайвора.

Видели, как сверкнула
Она среди деревьев юбкой.
Мистер и миссис Конн
Так и не дождались ее.
Ах, дуб, орешник, рябина.

Обрисуем картину. Церковь.
Прихожанки и двое старост
Прибираются после праздника.
Вязнут в варенье осы.
Мисс Конн собралась домой.

Убитый пьянчуга

Обрисуем картину. Ночь.
Ветер гонит луну
По зимнему перепутью.
В миле от тракта ферма
Мигает масляным глазом.

В уютном пабе Маклеллана
Старый Рэб, соль земли,
Осушает стакан на дорожку
И хлопает дверью. Колли
Провожает его глазами.

Рэб бредет по дороге.
Дубовая роща слева
Сворачивается пружиной.
По правую руку ветвями
Плещет могучий вяз.

В Ру-Корнере Рэб задержался,
Стоит, приобнявши столб.
И сук, надломленный бурей,
Ни за что, ни про что
Его зашибает насмерть.

[269]

ИЛ 10/2018

Обрисуем картину. Ночь.
Ветер гонит луну
По зимнему перепутью.
В миле от тракта ферма
Мигает масляным глазом.

Перевод СВЕТЛАНЫ ЛИХАЧЕВОЙ

ЭДВИН МОРГАН

Клубника

я не забуду
вкус той клубники
тот душный полдень
порог веранды
и мы с тобою
сплетаем взгляды
твои колени
в моих коленях
и горка ягод
блестит на солнце
с тарелок синих
макаем в сахар
неторопливо
одна другая
пусты тарелки
стоят на камне
скрещенье вилок
я наклоняюсь
твое дыхание
в моих объятьях
ты как младенец
из губ открытых
тот вкус клубники
я не забуду
не отпущу я
любовь торопит

на жарком солнце
наш час забвенья
один хотя бы
в тот полдень душный
в зарницах молний
в холмах Килпатрик

грозе — помыть посуду

АЛАСТЕР РИД

Шотландия

День — как нигде, ни в одном уголке на планете.
Трель жаворонка серебряной нитью летит в небеса,
В дымке мерцающей шепоту ангелов вторя.

Зелени свежесть мне грудь наполняет. В траве —
Шорох живого творенья, а солнце сиянием нежным
Волосы нимбом венчает, и вереск, и взгорья.

В город войдя и завидев фигуру в блестящем плаще,
Рыбной торговке кричу: — Что за чудный денек! —
Как одержимый, смеясь.

Чем же встретит она ликование мое?

Ропоту предков в гробах обреченно внимая,
Хмурит чело и ворчит:

— Час расплаты придет! Мы заплатим за все!

Перевод АЛЕКСЕЯ КРУГЛОВА

Переводы осуществлены при поддержке
фонда Publishing Scotland.

Publishing
Scotland
Foillseachadh Alba

